

Западные служилые иноземцы и придворные врачи во времена Ивана Грозного

Т.В. Черникова

Данная статья посвящена изучению вопроса использования различных западных специалистов на русской службе в XVI в. Автор выясняет: в каких областях и какие иностранные специалисты использовались в России при Иване IV, в чем состояли причины обращения к западноевропейским специалистам, каковы были итоги и значение данного явления? В статье рассматриваются также происходившие на протяжении полутора сотен лет изменения в положении выходцев из Западной Европы.

Сравнивая сочинения иностранцев конца XV – первой четверти XVI в. («Записки» Кантарини и Герберштейна) с книгами, авторы которых побывали в России во второй половине XVI столетия («Записки» Штадена, Горсея, Принца фон Бухова, Флетчера, Ченслора, Адамса, Дженкинсона, Фоскарине, Хернера, Тедалди, Берберини), можно увидеть те перемены, которые случились со служилыми иноземцами в России за XVI в.¹

Горсей оставил ряд книг о России конца XVI столетия («Торжественная и пышная коронация Федора Ивановича», «Трактат о втором и третьем посольствах мистера Джерома Горсея», «Путешествия сэра Джерома Горсея»). Самой ценной для историка является последняя из названных книг, она же – самая объемная. Что касается автора, то это был энергичный и смелый человек, достаточно вспомнить, что он побывал в России четыре раза в период с 1573 по 1591 г. Приезжал Горсей в Россию в качестве агента Английской (Лондонской) Московской торговой компании. В 1587 г. он сумел добиться для британских купцов крупных при-

вилегий, используя свои хорошие связи с Борисом Годуновым и другими боярами. В том же 1587 г. Горсей исполнил роль посла царя Федора Ивановича к английской королеве Елизавете.

Сэр Джером был хорошо образован и обладал безусловным лингвистическим талантом. Он не только быстро освоил русский язык, но и констатировал его родство с другими индоевропейскими языками, причем не только славянскими². Горсей утверждал, что читал некие «хроники», написанные и хранимые «в секрете» главой Боярской думы Иваном Федоровичем Мстиславским; из бесед с этим боярином, по словам Горсея, он почерпнул многие сведения о прошлом России и о царствовании Ивана Грозного³. Горсей был очень наблюдательным человеком, хотя и не лишенным желания прихвастнуть.

Даниил Принц фон Бухов (Бухау) посетил Россию дважды. В 1575–1576 гг. он вместе с И. Кобенцелем возглавлял посольство императора Священной Римской империи германской нации Максимилиана II, а в 1578 г. представлял имперские интересы в Москве уже единолично. Свои

Черникова Татьяна Васильевна – к.и.н., доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ 2012 – Год российской истории

наблюдения о России Принц фон Бухов (Бухау) изложил в книге «Начало и возвышение Московии».

Посол английской королевы к русскому царю Федору Джильс Флетчер приехал в Москву в конце 1588 г. и пробыл здесь не более 6–7 месяцев, что, впрочем, не помешало ему написать очень ценное для историка (особенно по вопросам русских финансов) сочинение «On the Russian Common Wealth». На родине эту книгу ждала непростая судьба: Англия была заинтересована в торговле с Россией, и правительство приказало сжечь весь тираж 1591 г., усмотрев в труде Флетчера много рассуждений, оскорбительных для Московии, по мнению английских властей. Второе издание увидело свет в 1656 г., а русский перевод книги («О государстве русском») появился только в 1906 г.

Англичанин Ричард Ченслор, открывший северный морской путь в Россию, был в Москве дважды в 1553–1554 гг., стал одним из основателей Английской (Лондонской) Московской торговой компании. Свое сочинение «Книга о великом и могущественном царе России и князе Московском...» написал с целью привлечения внимания англичан к выгодам торговли с Россией. Климент Адамс был сотоварищем Ченслора по экспедиции к Белому морю. Антоний Дженкинсон, член Английской (Лондонской) Московской компании и посол королевы Елизаветы, посещал Россию несколько раз, начиная с 1557 г., успешно улаживая торговые и политические трения, возникавшие в русско-британских отношениях. Ливонец Томас Хернер посетил Москву в преддверии Ливонской войны в 1557 г., являясь членом посольства ордену к Ивану IV. Итальянец Джiovани Тедадьди бывал в России несколько раз в 1550–1560-х гг., а его соотечественник Рафаэль Берберини один раз в 1565 г. с целью получения торговых привилегий.

Кроме названных источников, вспомогательное значение имеют книги иностранцев, которые сами в России XVI в. не были, а писали, обобщая сведения других авторов, но также, что особенно важно, собирали устные свидетельства разных людей – купцов, дипломатов, военных, побывавших в Московии. Таковы сочинения С. Нейгебауера, немецкого купца, сенатора из Данцига, итальянца А. Кампензе, составившего справку о России для папы Климента VII, венецианского посла Ф. Тьеполо и др.

Изменение положения западноевропейцев на русской службе в течение XVI столетия

Итак, какие же «новизны» в положении служилых иноземных военных случились во второй половине XVI в.? Во-первых, мы видим куда более разнообразный национальный состав наемников: выходцы из различных западноевропейских земель и Речи Посполитой потеснили «фрязей». Штаден, говоря о России 1560–1570-х гг., подчеркивал: «Большая часть иноземцев на Москве теперь немцы, черкасские тагары и литовцы». Принц фон Бухов, в 1570-х интересовавшийся только своими соотечественниками на русской службе, отмечал особое пристрастие царя Ивана Грозного к наем-

никам – выходцам из Германии. По версии фон Бухова, собираясь на войну, Иван IV «особенно много заботился о... наборе» «германских воинов» и не щадил на это «никаких издержек»⁴.

Горсей в конце XVI в. дополнил список иностранных наемников поляками, шведами, голландцами и шотландцами. А Джильс Флетчер вдобавок к этим «немцам» нашел в Москве еще наемников из греков и турок, а также «черкас, подвластных полякам», которых он порой и называет «поляками»⁵. Черкасами в России называли украинских казаков и часто, сомневаясь в чистоте их православия, относили к «полякам». Так что путаница Флетчера с терминами «черкас»/«полюк» отражает русское употребление данных понятий, которые относились не столько к этнической, сколько к конфессиональной сфере. Всего, по Флетчеру, в 1588 г. в России насчитывалось 4300 иностранных наемников («поляков» – около 4000, из которых 3500 стояли по различным русским крепостям; голландцев и шотландцев – 150; сводный отряд в 100 человек из шведов, датчан, греков и турок)⁶.

Вторым новшеством можно считать расширение сферы применения иностранных наемников. Иван Грозный, как его дед и отец, продолжил приглашать «из Германии и Италии инженеров и литейщиков, пушкарей, при помощи которых укрепил по-итальянски Кассан (Казань), Чатракан (Астрахань) и другие места, а также отлил большое число пушек. В Москве (Москве) есть длинный ряд мастерских, где делают аркебузы в большом количестве» (сообщение венецианца Тьеполо)⁷. Записки Штадена тоже свидетельствуют: «Посредине города был заново отстроенный двор, в нем должны были лить пушки»⁸.

Посол императора Максимилиана II Габсбурга Иоганн Перштейн сообщал, что в 1575 г. Иван Грозный имел в «четыре места своего государства... до двух тысяч пушек и множество других орудий, из коих некоторые (очевидно, осадные орудия для метания больших каменных глыб. – Прим. авт.) изумительно длинны и столь широко и высоки, что самого высокого роста человек, входя в дуло с надлежащим зарядом, не достает головою до верха...»⁹.

Мощь русского снаряда, отлитого и обслуживаемого во многом служилыми «немцами», была хорошо известна на Западе, как и то, что многие победы Московского государства одержаны именно благодаря умелому применению артиллерии. Один анонимный итальянский автор XVI в., объясняя причины быстрого взятия Полоцка русским войском в 1563 г., заключил, что успех был достигнут благодаря английским и германским пушкарям, которые мощным огнем зажгли город и принудили его к капитуляции¹⁰.

В середине и второй половине XVI в. в России появилась иностранная наемная конница, возможно тяжелая – рейтары, состоящие из «немцев» и, очевидно, из «поляков». Причем в 1558 г., в начале Ливонской войны, количество западных кавалеристов было большим, чем то, которое Флетчер

привел для «мирного» 1588 г. Из «Рассуждения о Московии» венецианца Марко Фоскарино следует, что в 1557 г. Россия обладала 3 тысячами тяжелооруженных «немецких» кавалеристов. Их итальянец видел на смотре. Еще там было много явно русских воинов: 10 тысяч легкой конницы и «20 тысяч конных стрелков на саксонский образец, они называются по-нашему «феранхи»; причем из них особенно выделяются стрелки из мушкетов, которых хочется обозвать убийцами»¹¹.

Сочинение Горсей содержит рассказ о подвигах иностранных рейтаров, набранных из пленных, захваченных русскими в ходе Ливонской войны¹². Среди пленных «немцев» обнаружили «лифляндцы, французы, шотландцы, голландцы и небольшое число англичан». Все они прежде служили наемниками в шведской армии, причем некоторые перешли туда из датской армии. В боях с русскими шведская армия понесла серьезные потери. Так, из семисот шотландских солдат и офицеров, присланных в Ливонию из Стокгольма, по данным Горсей, выжили только 85 человек, и те оказались в плену. «В самом жалком положении» они вместе с тремя англичанами обрелись под Москвой. Здесь же находилась и большая часть других пленников: шведов, лифляндцев, французов, поляков, голландцев.

Джером Горсей, фактор Английской (Лондонской) Московской торговой компании, а следовательно, и официальный представитель королевы Елизаветы, был вхож в царский дворец и принял активное участие в судьбе своих соотечественников и 85 шотландцев. Горсей предложил Ивану Грозному принять их на службу, расписал их военные достоинства, объяснив, что шотландцы «представляли целую нацию странствующих искателей приключений, наемников на военную службу, готовых служить любому государю-христианину за содержание и жалование». Русский царь воспользовался советом англичанина, причем, судя по всему, принял на службу не только шотландцев и англичан, но и прочих западных пленников.

«Немцев» «вооружили... мечами, ружьями и пистолетами», поселили в Немецкой слободе, дали лошадей, жалование, ежедневный «корм» и фураж для коней. Вся эта служилая иноземная братия была сведена в 12 конных сотен. Каждая сотня комплектовалась по национальному признаку и имела командира той же нации, что и его воины. Шотландцев возглавил «доблестный воин и благородный человек» Джими Лингет. Горсей упоминает еще один небольшой (человек в десять) отряд шотландцев и шведов, которые добровольно перебежали в Россию из шведской армии. Горсей замолвил свое слово и за этих ребят, ссудил им 300 талеров¹³, на которые те купили достойное платье, пистолеты, мечи, и приобрели вид весьма воинственный и бравый.

На русской службе этих «немцев» возглавил «храбрый шотландский капитан» Габриэль Элфингстоун. Горсей сообщил также о 1200 «благородных» поляков-конников на русской службе. Вскоре все иностранные кавалеристы проявили

себя на крымской границе. Татары, по словам Горсей, были «напуганы до смерти... и кричали: «Прочь от этих новых дьяволов, которые пришли со своими метающими «паффами»»¹⁴.

Горсей отмечал, что западные рейтары составляют небольшую часть в сотысячной русской коннице. Однако он подчеркивал более высокую, чем у русских дворян, боеспособность иностранной кавалерии. Джером Горсей решил, что успех немец-кавалеристов связан с тем, что татары впервые встретились с огнестрельным оружием. Однако этого не могло быть, так как русские применяли огнестрельное оружие против татар еще со времен стояния на Угре (1480). Скорее дело было в особой незнакомой татарам и русским рейтарской тактике конных «московских немцев» в сочетании с применением ими огнестрельного оружия. Русские служилые люди по отечеству (дети боярские), как и татары, предпочитали в конном бою по-прежнему холодное оружие. В итоге при первых же случаях столкновения крымской конницы с находившимися на службе в Москве западными рейтарами последние ярко продемонстрировали свое превосходство.

Русские власти ценили «немцев»-конников выше «немцев»-пехотинцев. Кавалерийское искусство требовало большей подготовки, чем пехотный строй. Московские власти платили западным кавалеристам жалованье большее, чем «немцам»-пехотинцам, выдавали конникам особое денежное пособие при обзаведении двором, а некоторым иностранцам-конникам выделяли даже поместья.

Выделение западным всадникам земельной собственности в России, наподобие земельных окладов русских служилых людей, явилось третьим новшеством в положении иноземцев. О наделении иностранцев поместьями сообщают и русские источники. В житии св. Даниила Переяславского есть сюжет о борьбе инока Даниила, желавшего основать монастырь, с соседним помещиком-«немцем» Иоанном и его «свирепой вельмией» женой Натальей. (Поскольку речь идет о временах Василия III, уж не пушкарь ли Иоанн Иордан перед нами?) «Немец»-помещик атаковал подвижника, опасаясь, как бы монастырь не захватил его земли¹⁵.

Из отечественных и ливонских документов известно, что имел поместье и выехавший из Рима на службу к Василию III зодчий Петр Фрязин. Этот итальянец принял православие и завел семью в Москве¹⁶. В 1524 г. «немец» Наум Кобель с товарищами били челом государю, что нашли в Двинском уезде соляные ключи. Вокруг располагалась необжитая местность, стоял лес. Василий III дал иностранцам право чистить ключи, рубить лес, ставить дворы, заводить пашню и зазывать к себе людей, «нетяглых и неписьменных... добрых и не ябедников, не воров и не разбойников, которые из городов и волостей выбиты»¹⁷.

Если в начале XVI в. наделение поместьем было редким исключением, то при Иване Грозном оно стало частым явлением. Генрих Штаден описывает поместья иностранцев в 100, 200, 300

■ 2012 – Год российской истории

и 400 четвертей (то есть примерно от 50 до 200 га земли). Однако после получения права на поместье «приискивать» себе землю служилый иноземец вынужден был сам, расспрашивая «там и здесь» или разыскивая вдов-помещиц, «Вдове оставалось небольшое прожиточное поместье, а из остальной земли «иноземцу отделялось по книгам по его указанию»¹⁸. «Озимое он получает в земле, а для покупки семян на яровое ему дают деньги».

Кормовые деньги, выплачиваемые обычным (безземельным) иностранцам-наемникам, «немец»-помещик прекращал получать с первым урожаем. Кроме того, русское законодательство конца XVI – начала XVII в. выработало нормы, запрещающие переход поместья служилого иностранца к русским владельцам¹⁹. Но, несмотря на такую заботу центральных властей, вести помещичье хозяйство «немцу» было непросто. Штаден указывал, что русские помещики и их приказчики сманивали крестьян иноземного коллеги в Юрьев день. Местные власти («фогты русских бояр» – возможно, имеются в виду губные старосты или речь идет о волостелях до 1556 г.) стремились обременить крестьян «немца»-помещика большим тяглом в пользу государства, что тоже вело к тому, что «поместье иноземца пустело в день св. Юрия». Зная эту практику, центральные власти разрешали иноземцу, по версии Штадена, просить новое поместье трижды. Правда, к концу царствования Ивана Грозного Генрих Штаден констатировал: «Теперь же с великим трудом, и то однажды, иноземец может получить населенное крестьянами поместье. Причина: в большей своей части страна запустела»²⁰.

Четвертым новшеством в положении иноземцев в России можно считать заведение в середине XVI в. новых немецких поселений в Москве и за ее пределами. В годы пребывания Штадена в России (1564–1576) служилые иноземцы уже не умещались в одной слободе, поэтому в четырех милях от столицы для них были построены два поселка: один – севернее Москвы, другой – на Яузе на Болванке. «По другую сторону Яузы на Болвановке живут все немецкие воинские люди, которыми великий князь пользуется против крымского хана»²¹. Возможно, о них сообщает в 1560-х гг. и венецианец Франческо Тьеполо, явно завышая численность данного контингента (сам Тьеполо в России никогда не был). «Пользуется он (Иван Грозный) и иностранными солдатами, а больше всего пехотинцами-немцами. Он разрешил им построить для жительства довольно большой деревянный город, недалеко от Моски (Москвы), который дает ему более восьми тысяч аркебузьеров»²².

В северной слободе жили «немецкие стрелки и русские стрельцы»²³. Мы знаем, что в 1550-х гг. правительство Избранной рады провело крупную военную реформу, суть которой состояла в создании многочисленной русской полурегулярной пехоты, вооруженной огнестрельным оружием. Только в Москве располагалось 10 стрелецких полков (около 10 тыс. человек). Еще более десятка стрелецких полков стояли в различных русских городах.

Очевидно, совместное проживание немецких и русских пехотинцев объяснялось необходимостью научить набранных из тяглых сословий стрельцов (русских служилых людей по прибору) обращению с пищалью и навыкам западноевропейского огнестрельного боя.

На московском смотре 1557 г. Фоскарино видел «30 тысяч стрельцов по образцу швейцарских, которые постоянно обучаются военному делу;... освобождены от налогов и пользуются большой властью над другими»²⁴. Франческо Тьеполо, венецианский дипломат, сам в России не бывавший, но писавший, обобщая литературу о Московии и опираясь на информацию людей, посетивших Россию, сравнивая обученность и вооруженность русского войска времен Василия III с конниками и пехотинцами его сына Ивана IV Грозного, назвал первых «неопытными и плохо вооруженными», а вторых нашел «в довольно хорошем порядке»²⁵.

«Нынешний герцог, – подчеркивает Тьеполо, – превосходит всех своих предшественников как численностью войска, так и тем, что в мирное время обучает его, а чтобы делать это лучше, он дал у себя приют многим иностранным солдатам и, как сказано выше, предоставил им жилища в своем государстве. Теперь во многих местах, а главным образом в Моске (Москве), при помощи их и других москвиты по праздникам обучаются аркебузу (стрельбе из аркебуз) по германским правилам и, став уже весьма опытные, изо дня в день совершенствуются...»²⁶.

Разница между немецкими стрелками и русскими стрельцами сводилась к тому, что первых было значительно меньше, а стоили они казне значительно дороже. В отличие от наемников-профессионалов, русские стрельцы были полурегулярным войском. Из-за бедности казны государство позволило им заниматься не облагаемыми налогами торговлей и ремеслом, доходы от которых являлись существенным подспорьем к государеву хлебному, оружейному и денежному жалованью стрельцов. В результате невозможно было в условиях войны надолго отрывать стрельцов от их семей и хозяйства. Иностранные наемники в этом плане были мобильнее, а потому и в дальнейшем ценились выше.

Однако вернемся к немецким поселениям. Еще одно компактное немецкое поселение находилось в черте городского посада у речки Неглинной, бывшей некогда границей между опричными и земскими землями в столице. Здесь жила «большая часть немецких торговых людей, которые были вывезены из городов Лифляндии...»²⁷. Как и прежде, везде дворяне служилых иноземцев были свободны от податей и повинностей. По данным Штадена, до сожжения Москвы крымскими татарами в 1571 г. немцам давали уже готовые дома в Москве и только после пожара стали селить на Болванке, отмеряя участки размером 40 на 40 сажен. Иноземец строился «как ему угодно». Он мог нанимать русских слуг, однако власти следили, чтобы православные обычаи не нарушались и русских, по словам Штадена, не принуждали «есть мясо великим постом, по средам и пятницам».

Пятым новшеством было появление особого правительственного органа, который ведал службой иноземцев – некоего Немецкого приказа («Prechase Sbisiuoy Nemshoy»)²⁸. О данном приказе в конце XVI в. сообщает и Джильс Флетчер. Т.А. Лаптева, изучавшая русские источники и архив Иноземского приказа XVII в., утверждает, что отечественные документы впервые упоминают аналогичный орган – «Иноземский приказ» – лишь в 1624 г.²⁹ Очевидно, в ходе Смутного времени старый приказ, ведавший иностранцами, исчез, как и его архив, а при Михаиле Романове произошла его реставрация. Трудно представить себе управление многочисленными служилыми иноземцами к середине XVI столетия без специального органа. Ведь только элита «немцев», приглашаемая во дворец на пиры с царем, составляла несколько сотен человек. Так, на царском пиру 4 января 1558 г. по случаю праздника Крещения английский посол А. Дженкинсон насчитал «свыше 300 иностранцев»³⁰.

Шестым новшеством можно считать изменение к концу XVI в. круга «элитарных иноземцев». Место книжников-греков и «фрязей» (архитекторов, инженеров, артиллеристов-литейщиков) заняли приближенные ко двору «немцы». Среди них следует выделить три категории:

- высокопоставленные военные, преимущественно из ливонских немцев, шотландцев и скандинавов;
- придворные врачи, часто игравшие роль тайных советников;
- богатые купцы-«корабельщики», преимущественно выходцы из Англии и Нидерландов, ведущие морскую торговлю своих стран с Московией.

Придворные врачи XVI в.

Как мы уже не раз подчеркивали, европеизация России второй половины XV – XVI в. была поверхностной: заимствовался готовый опыт. Посредниками в освоении его Московией выступали не только военные, инженеры и зодчие, но и медики. Причем роль последних не сводилась к знакомству россиян с методами европейского врачевания. Их роль была значительно шире, ибо царские врачи (а именно в качестве царских лейб-медиков появились в России первые европейские доктора) являлись доверенными лицами и даже советниками московских государей по многим вопросам.

Круг придворных врачей был очень узок. Профессия таила как много возможностей, так много и опасностей (вспомним судьбу казненных врачей Ивана III – Леона и Антона). Но благодаря своей близости к монарху придворные западные доктора могли влиять на государственную политику и даже пытаться менять ее в свете своих убеждений или выгод.

Первым из влиятельных лейб-медиков стал врач Василия III Николай Булев. Как и многие из докторов, служивших европейским монархам, Булев совмещал в своей деятельности разные функции. Он выступал и алхимиком, и астрологом, и тайным советником, а к тому же активно пропове-

довал унию церквей³¹. При Иване IV Грозном было уже два влиятельных медика – Елисей Бомелий (Бомелий) и Иоганн Эйлоф. Определенным влиянием обладал и Роберт Якоби, присланный английской королевой. Вестфальский немец Бомелий, выпускник Кембриджского университета, еще в Лондоне получил известность своим пристрастием к астрологии, мистике и алхимическим опытам. Все это он с успехом продолжил в России, где «жил в большой милости у царя и в пышности»³².

Скопленные в России богатства он пересылал через Англию на родину в вестфальский город Везель. Это был один из самых ненавистных для русских западный царский любимец. Пискаревский летописец называет его «лютый волхв» и приписывает его внушению самые дурные инициативы царя: «...множества роду боярского взусти убити цареви, последи самого приведе наконец же бежати в Англинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставши побити»³³.

Не любили Бомелия и в немецком сообществе. Горсей определял его как «лживого колдуна», «человека порочного, виновника многих несчастий». Царь же Иван Грозный обсуждал с ним самые важные политические дела, что в конце концов и ступило Бомелию. 1579 г. был решающим в Ливонской войне. России пришлось противостоять и Речи Посполитой, и Швеции. Шведский генерал Горн подошел к Нарве. Стефан Баторий, утвердившись на польском престоле, двинулся в решительный поход к Полоцку. Царь с сыновьями в окружении значительного войска стоял в Пскове. Опытный воевода Иван Федорович Мстиславский предлагал Ивану Грозному скорее выступать к Полоцку. Судя по всему, царь проигнорировал совет русского боярина, а послушался немца Елисея Бомелия.

Русская летопись сообщает: «...и не велел ему против короля идти немчин доктор Елисей – норвил литовскому королю»³⁴. Царь не пошел ни к Нарве, ни к Полоцку. В итоге Нарва в тот раз успешно отбилась сама, а Полоцк вместе с городом Соколом был сдан неприятелю, что привело царя Ивана в бешенство. Верный своей привычке возлагать вину на других, царь исколотил палкой Мстиславского, сказав: ты хотел «подвергнуть крайней опасности моих сыновей», а Бомелия, как «изменника», подверг мучительным пыткам³⁵.

Лейб-медик Елисей Бомелий закончил свой путь скверно. По версии Джерома Горсея, Иван Грозный заподозрил своего прежнего любимца в шифрованной переписке с королями Польши и Швеции. Записки Горсея содержат рассказ о последних часах жизни лекаря-немца. «Бомелиус все отрицал, надеясь, что что-то переменится к лучшему с помощью его доброжелателей, фаворитов царя, посланных посетить царевича Ивана, занятого пыткой Бомелия. Его руки и ноги были вывернуты из суставов, спина и тело истерзаны проволочным кнутом; он признался во многом таком, чего не было написано и чего нельзя было пожелать, чтобы узнал царь. Царь послал сказать, что его зажарят живьем. Его сняли с дыбы и привязали к деревянному шесту или вертелу, выпустили

из него кровь и подожгли; его жарили до тех пор, пока в нем, казалось, не осталось никаких признаков жизни, затем бросили в сани и повезли в Кремль. Я находился среди многих, прибежавших взглянуть на него, он открыл глаза, произнося имя бога; затем его бросили в темницу, где он и умер»³⁶.

С Робертом Якоби Иван Грозный обсуждал проект своего брака, ища невесту в Англии. Либо Якоби, либо Бомелий подсказали московскому царю кандидатуру Марии Гастингс, дочери графа Гонтингдона, племянницы королевы Елизаветы по матери. Правда, из-за позиции британской стороны обсуждаемый брак так и не состоялся. Три последних года жизни Грозного (с 1581 по 1584 г.) царским доктором состоял выходец из испанских Нидерландов, фламандец Иоганн Эйлоф. Под его началом страдающий манией преследования русский правитель сам постигал азы астрологии и алхимии. С помощью этих герметических наук Иван Грозный пытался заведомо узнать козни недоброжелателей, увидеть будущее и получить эликсир вечной молодости.

Фактор Английской (Лондонской) Московской торговой компании Джером Горсей утверждал, что в последние годы жизни царь был занят «лишь оборотами солнца», ежедневным рассматриванием в сокровищнице драгоценных камней, о магических свойствах которых он читал целые лекции царевичу Федору и боярам. Также во дворец были собраны «кудесники» и «колдуны» с Севера, «из того места, где их больше всего, между Холмагорами и Лапландией»³⁷.

Горсей связывает особый интерес царя к магии с тем, что в последние дни своей жизни он был убежден, что некие тайные враги уже приступили к его «изведению». Новую волну глухого недовольства подданных Ивана Грозного, по версии Горсея, вызвало обещание, данное Иваном Грозным английскому послу Джерому Баусу (врагу и конкуренту Горсея), что в случае его брака с Марией Гастингс он не только даст Английской Московской компании новые беспрецедентные привилегии, но и закрепит за потомством англичанки «наследование короны».

«Князья и бояре, особенно ближайшее окружение жены царевича (Федора) – семья Годуновых, – сообщил Горсей, – были сильно обижены и оскорблены этим, изыскивали секретные средства и устраивали заговоры с целью уничтожить эти намерения и опровергнуть все подписанные соглашения»³⁸. В эти интриги был посвящен и царский доктор Эйлоф, но из туманных намеков Горсея неясно, на стороне царя или на стороне недовольных выступал лейб-медик.

Зато Горсей дает подробное описание спонтанного сеанса черной магии, свидетелем которого он лично оказался. Все происходило в царской сокровищнице в последний день жизни Ивана Грозного. Царь, как обычно, рассматривал свои любимые драгоценные камни, знакомя придворных с их магическими свойствами: «Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руку; их природный цвет

ярок, а теперь положите их на мою ладонь. Я отравлен болезнью; вы видите, они показывают свое свойство изменения цвета из чистого в тусклый; они предсказывают мою смерть. Принесите мой царский жезл, сделанный из рога единорога с великолепными алмазами... Найдите мне несколько пауков». Царь приказал своему лекарю Иоганну Эйлофу обвести на столе круг; пуская в него пауков, он видел, как некоторые из них убегали, другие подышали. «Слишком поздно, он (жезл) не уберет теперь меня»³⁹. (В другом переводе на русский записок Горсея царь произнес: «Слишком поздно... [ничто] не уберет меня»⁴⁰.) Северные чародеи, по Горсею, еще раньше указали дату смерти – 18 марта 1584 г. В полдень 18 марта царь обещал их «за ложное предсказание» «зарыть или сжечь живьем», а кудесники ответили: «День окончится, только когда сядет солнце»⁴¹.

Горсей заканчивал рассказ о последнем дне жизни государя уклончиво. Царь «в полдень... пересмотрел свое завещание, не думал, впрочем, о смерти, так как его много раз околдовывали, но каждый раз чары спадали, однако на этот раз дьявол не помог. Он приказал главному из своих врачей и аптекарей приготовить все необходимое для его развлечения и ванны... Около третьего часа дня царь вошел в нее... вышел около семи, хорошо освеженный. Его перенесли в другую комнату, он сел на свою постель, позвал Родиона Биркина, своего любимца, и приказал принести шахматы. Он разместил около себя своих слуг, своего главного любимца (Богдана Бельского) и Бориса Федоровича Годунова, а также других. Царь был одет в распахнутый халат, полотняную рубаху и чулки; он вдруг ослабел и повалился навзничь. Произошло большое замешательство и крик, одни посылали за водкой, другие – к аптекарям за ноготковой и розовой водой, а также за его духовником. Тем временем царь был удушен и очолен»⁴².

О вольной или невольной причастности лейб-медика Иоганна Эйлофа к смерти Грозного сообщают два иностранных автора. Бывший в начале XVII в. в России француз П. де Лавиль писал, что в заговоре против Ивана Грозного принял участие «придворный медик Жан Нилос («Jean Nilos» – очевидно, французская версия имени Эйлофа)⁴³. Голландец Исаак Масса утверждал, что сам Эйлоф был ни при чем: Богдан Бельский поднес Ивану Грозному «прописанное доктором Иоганном Эйлофом питье, бросив в него яд»⁴⁴.

Так или иначе, но слухи о причастности лейб-медика к отравлению царя просочились в город. Оставаться в Москве для фламандца было очень опасно. Пора было бежать, а еще – спасти свои богатства. Иоганн Эйлоф нажил в России немалый капитал, кстати, не столько службой, сколько совмещением ее с морской международной торговлей. Кардинал А. Болоньетти в донесении папе из Люблина от 24 августа 1584 г. назвал Иоганна Эйлофа «очень богатым человеком»⁴⁵. Русские источники подтверждают это определение. В 1582 г. датские военные корабли совершили рейд к Белому морю с целью взятия под контроль русско-европейской морской торговли по

Северному морскому пути. Было захвачено несколько голландских торговых судов.

Пострадали и компаньоны Иоганна Эйлофа, его зять (имя неизвестно) и сын Даниэль. Датчане захватили их в плен вместе с принадлежавшим Эйлофам кораблем с товаром, который шел из России в Голландию. Пленников датчане позже вернули, но ущерб не компенсировали. Свои потери Эйлофы оценили в огромную по тем временам сумму – 25 тысяч рублей. (Для сравнения: обычная лошадь в России стоила 1–2 рубля.) Но, как мы видели, несмотря на такие издержки, двумя годами позже фламандский врач оставался по-прежнему «очень богатым человеком». Еще большей удачей Эйлофа было то, что после смерти Ивана Грозного российские власти позволили ему благополучно покинуть Московию.

Однако напрасно видеть жизнь царского любимца в розовом свете. Иоганну Эйлофу удалось уехать, но он навсегда расстался с родными, удержанными в России. Эйлоф покинул Москву летом 1584 г. Сына Иоганна Эйлофа – Даниэля⁴⁶ – не тронули, что свидетельствовало о том, что врач-фламандец не бежал, а именно воспользовался разрешением на отъезд. Однако Даниэль Эйлоф, по мнению В.И. Корецкого⁴⁷, стал заложником молчания отца, безусловно, знавшего истину о смерти Ивана IV. В целом стоит признать, что Иоганну Эйлофу повезло, раз он живым выехал из России. На его же примере можно заметить, что обычное нежелание русских властей выпускать из страны столь осведомленных высокопоставленных иноземцев было оправданным.

Иоганн Эйлоф, к примеру, часто делился информацией о придворной жизни с другими иностранцами. Откуда у британского фактора Горсея взялась секретная информация о том, что в последние месяцы жизни у царя опухли гениталии? Законно предположить, что об этой интимной подробности ему мог рассказать только царский доктор. Уже после смерти Ивана IV, в июле 1584 г., еще будучи в Москве, Иоганн Эйлоф передавал какие-то сведения послу Речи Посполитой в России Льву Сапеге, а находясь в Инфлянтах (ливонских землях, подчиненных Речи Посполитой), информировал о политической ситуации в России виленского епископа Е. Радзивилла.

Т.А. Опарина предполагает, что «двойную игру» придворный лекарь вел и при жизни Ивана Грозного, в частности в 1582 г. во время визита в Россию папского посла иезуита Антонио Поссевино⁴⁸, выступившего посредником в переговорах о завершении Ливонской войны. Именно Иоганн Эйлоф мог поведать посланцу Ватикана подробности трагической гибели царевича Ивана, у постели которого он, как придворный доктор, находился до последнего вдоха. Историки, впрочем, должны быть благодарны «разговорчивому» врачу. Благодаря свидетельству Поссевино до нас дошла достаточно правдоподобная версия гибели царевича: бытовая ссора из-за очередной грубости царя по отношению к беременной невестке – Елене (Шереметевой), третьей жене царевича Ивана, закончилась трагической случайностью – ударом отцовского посоха в висок сына. Русские источники, особенно фольклорные, склонны винить Ивана Грозного в произвольном убийстве

наследника из зависти к популярности сына в народе или подозрения в измене (подготовке переворота).

При всей склонности к «двойной игре» лейб-медика Эйлофа, когда речь заходила о вере, он выступал истинным протестантом. Когда Антонио Поссевино заговорил с царем о необходимости сближения православной и католической церквей, Эйлоф стал резко обличать католицизм. Поссевино называл Эйлофа «анабаптистом», что в устах папского легата было равносильно самому страшному ругательству, обозначающему представителей наиболее радикальных течений протестантизма. «Некие англичане, целиком погрязшие в ереси, и голландский врач, анабаптист, – писал Поссевино, – наговорили государю много плохого о великом первосвященнике»⁴⁹.

В другом месте иезуит заметил: «...еретики английские купцы... передали книгу, в которой папу именуют антихристом»⁵⁰. «По мнению итальянского исследователя Чезаре де Микелиса, в антикатолическом произведении Ивана Грозного, созданном после диспута с Антонио Поссевино, прослеживается влияние памфлета швейцарского кальвиниста Дю Розье. Чезаре де Микелис предполагает получение русскими текста Дю Розье во время посольства Истома Шерыгина. А.А. Севастьянова видит посредничество в передаче царю данной книги британских коммерсантов, в том числе Джерома Горсея»⁵¹.

В пользу этой версии говорит то, что Горсей кратко, но четко перечислил в своих записках аргументы царя против латинства: «Царь резко отклонял и отвергал учение папы, рассматривая его как самое ошибочное из существующих в христианском мире; оно угождает властолюбию папы, выдуманно с целью сохранить его единоначалие, никем не дозволенное, сам царь изумлен тем, что отдельные христианские государи признают его верховенство, приоритет церковной власти над светской. Все это, только более пространно, он приказал изложить своим митрополитам, архиепископам и епископам, архимандритам и игуменам, папскому нуцию Антонио Поссевино...»⁵²

Однако «антипапизм» Ивана Грозного проистекал отнюдь не из влияния «немцев»-протестантов. Все западные авторы XV–XVI вв. подчеркивали негативное отношение русских к католической церкви как стойкую национально-религиозную традицию. Примечателен здесь баснословный рассказ об Иване I из сочинения Джильса Флетчера, но он интересен трактовкой событий. «Город (Москва) значительно распространен Иваном или Иоанном, сыном Даниила, который первый присвоил себе вместо княжеского титула титул короля. Преемники его, однако ж, не именовались так оттого, что титул короля он получил в 1246 г. от папского легата. Папою в то время был Иннокентий IV, что весьма не понравилось русским, которые принадлежат к Церкви восточной или греческой...»⁵³ (Флетчер явно перепутал московского князя Ивана Даниловича Калиту с галицко-волинским князем Даниилом Романовичем, действительно получившим корону от Иннокентия IV).

При Иване IV большинство служилых иноземцев являлись протестантами. Но было бы ошибкой видеть в этом симпатию русской центральной власти

■ 2012 – Год российской истории

к протестантизму. Реформаторские течения на Руси признавались такой же, если не большей, ересью. Разрешение «московским немцам»-протестантам построить церкви и долгий запрет на это для католиков объяснялся тем, что в протестантизме Русское государство и церковь видели менее опасного врага. Возможно, интуитивно русское средневековое государство и церковь уловили невозможность распространения в среде российского населения религиозных идей, порожденных модернизацией духовной жизни на Западе. Аналогичных процессов, как и любых иных модернизационных процессов, Россия XV–XVI вв. не знала.

В Россию «немцев» пустили за профессиональные качества. Их вероисповедание играло второстепенную роль. Пастор П. Одерборн в своем трактате 1585 г. утверждал: «Грозный был веротерпим. Только евреев он ненавидел: по его мнению, нельзя было верить людям, предавшим Христа»⁵⁴. Конечно, «веротерпимость» Ивана IV – понятие весьма условное. В отличие от привычки русского православного духовенства уклоняться от публичных диспутов о вере с католическими и протестантскими миссионерами, грозный царь был не прочь вступить с ними в открытую полемику. Мы упоминали дискуссию с иезуитом Поссевино, а ранее, 10 мая 1570 г., во время пребывания в Москве польского посольства Яна Кротовского, состоялся диспут о вере царя с протестантским проповедником Яном Ракитой.

Ян происходил из моравских братьев, значился в свите Кротовского, тоже протестанта. После диспута (18 июня) Яну Раките послали сочинение царя с резкой критикой реформаторских воззрений⁵⁵. Судя по тому, что и иностранные, и отечественные источники донесли до нас подробный рассказ об этих событиях, диспут произвел на современников большое впечатление⁵⁶. Правда, для Немецкой слободы диспут повлек печальный итог. Царь посчитал возможным на сей раз не мешать толпе, вдохновленной православными священнослужителями, разгромить

в Москве множество дворов иностранцев и снести две лютеранские кирхи.

Подводя итог разговору о служивых европейских специалистах в России XVI в., стоит заметить, что по сравнению с концом XV – началом XVI в., в эпоху Ивана Грозного в их положении произошли значительные изменения. Расширился как круг нанятых на русскую службу европейцев, как и перечень их профессий. Россия получила новые подтверждения эффективности западных военно-технических «новшеств», придворный круг, и прежде всего царская семья, активно использовал западноевропейских медиков. Последние оказывали неформальное влияние также на многие вопросы из области внутренней и внешней политики. При посредничестве западных лейб-медиков высшая власть была не прочь прикоснуться к некоторым научным исканиям Запада.

Хотя стоит признать, что из «отвлеченных», не связанных с военными или техническими областями западных «наук» Ивана Грозного привлекла лишь астрология и алхимия, оказавшиеся скорее псевдонауками. Россия напряженно наблюдала за борьбой реформации и католицизма на Западе, но сохранила традиционно враждебное отношение к западным «ересям». Это, впрочем, не мешало центральной власти проявлять значительную толерантность к находящимся на русской службе иностранцам, особенно к протестантам.

Tchernikova T.V. Western Foreigners on the Russian Service and Royal Doctors in the Time of Ivan the Terrible.

Summary: The article is devoted to an examination of a question of the use of different western experts on the Russian service in the XVI century. The author tries to find out in what areas and what kind of foreign experts were used in Russia at the times of Ivan IV; what were the reasons for the use of the Western European experts as well as results and significance of this phenomenon. Changes in the position of immigrants from the Western Europe during one and a half centuries are also examined.

Ключевые слова

Единое Московское государство XV–XVI вв., иностранцы на русской службе, заимствование Россией военно-технического и культурного опыта Запада, европеизация России, «Записки» иностранцев о России, придворные врачи.

Keywords

Uniform Moscow state of XV–XVI centuries, foreigners on the Russian service, borrowing by Russia of military and technical as well as cultural experience of the West, Europeanization of Russia, «Notes» of foreigners about Russia, royal doctors.

Примечания

1. Скобелкин О.В. Иностранцы в русском войске в XVI веке // Проблемы этнической истории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в новое и новейшее время. Сборник научных трудов. Выпуск 1. Издательство Воронежского государственного университета, 2002. С. 15–20.
2. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII веков. С. 97.
3. Там же. С. 98.
4. Даниил Принц из Бухова. Начало и возвышение Московии. М., 1877. С. 31.
5. Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 64.
6. Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 27.
7. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранцы о древней Москве. М., 1997. С. 64.
8. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Шлимана // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 72.
9. Донесение о Московии Иоганна Пернштейна, посла императора Максимилиана II при московском дворе в 1575 году // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 80.

10. Хорошкевич А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 330.
11. Фоскарино М. «Рассуждение о Московии» из книги «Историческое сказание о Московском государстве, сочиненное венецианским послом Фоскарино» // Иностранцы о древней Москве. М., 1997. С. 56.
12. Горсей Д. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 69-72.
13. Талер – в России «ефимок», широко распространенная в Западной Европе серебряная монета, германский ее вариант – рейхсталер. В зависимости от страны чеканки эта монета имела различный вес, но должна была весить более 15 г.
14. Горсей. Указ. соч. С. 70-71.
15. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 3. Т. 5. С. 373.
16. Там же. Кн. 3. Т. 6. С. 440.
17. Там же. С. 301-302, 304.
18. Скобелкин О.В. Указ. соч. С. 18.
19. Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 77-79.
20. Там же. С. 19.
21. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Шлимана // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 68.
22. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранцы о древней Москве. М., 1997. С. 63.
23. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Шлимана // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 68.
24. Фоскарино М. «Рассуждение о Московии» из книги «Историческое сказание о Московском государстве, сочиненное венецианским послом Фоскарино» // Иностранцы о древней Москве. М., 1997. С. 56.
25. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранцы о древней Москве. М., 1997. С. 63.
26. Тьеполо Ф. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо // Иностранцы о древней Москве. М., 1997. С. 64.
27. Штаден Г. Страна и правление московитов в описании Генриха Шлимана // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 68.
28. Флетчер Д. Указ. соч. С. 47.
29. Лаптева Т.А. Документы иноземного приказа как источник по истории России XVII века // Архив русской истории. М., 1994. Вып. 5. С. 112.
30. Дженкинсон А. Путешествие из Лондона в Москву // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 45.
31. Зимин А.А. Доктор Николай Булев – публицист и ученый-медик // Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961. С. 61-78.
32. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 114.
33. Зимин А.А. В канун грозных испытаний. М., 1986. С. 58.
34. Там же. С. 58.
35. Там же. С. 58.
36. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 113-114.
37. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 119.
38. Там же.
39. Там же. С. 120.
40. Горсей Дж. Записки о России – начала века / Пер. А.А. Севастьяновой. М., 1990. С. 204.
41. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 121.
42. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. М. 1991. С. 120-121.
43. Русский вестник. 1841. № 3. С. 745. («Jean Nilos» - очевидно, французская версия имени Иоганна Эйлофа; «Johann Eyloff» – версия имени лейб-медика у голландца И. Массы, «Giovanni Ailoff» – у итальянца А. Болоньетти.)
44. Масса Исаак. Краткое известие о Московии в начале XVII в. // О начале войн и смут в Московии. М., 1997. С. 29.
45. Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым. Спб. 1842. Т.2. С. 7.
46. В русских источниках упоминается еще и зять И. Эйлофа, следовательно, у придворного врача была еще и дочь, но о ее судьбе ничего не известно.
47. Корецкий В.И. Смерть грозного царя // Вопросы истории. 1979. № 9. С. 96.
48. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI – XVII вв. М., 2007. С. 169.
49. Цитата по: Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI – XVII вв. С. 170; Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в. / Пер. Л.Н. Годовиковой. М., 1983. С. 202, 235.
50. Опарина Т.А. Указ. соч. С. 207; Поссевино А. Указ. соч. С. 203.
51. Опарина Т.А. Указ. соч. С. 169-170.
52. Горсей Д. Путешествие сэра Джерома Горсея // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 124.
53. Флетчер Д. О государстве Русском... // Иностранцы о древней Москве. М., 1991. С. 132.
54. Полосин И.И. Немецкий пастор Одерборн и его памфлет об Иване Грозном (1585) // Полосин И.И. Социально-экономическая история России XVI - начала XVII в. М., 1963. С. 213.
55. Древнерусские полемические сочинения против протестантов // ЧОИДР. 1879. Кн. 2. С. 1-80.
56. Цветаев Д. Протестанство и протестантизм в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 544-570. Соколов И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII вв. М., 1880. С. 60-61.